

СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ О «МАЛОЙ ВОЙНЕ»

МИРОСЛАВ ИГНАТОЛЯ

Как отмечает один из современных теоретиков и методологов: «историческое познание [...] имеет два уровня: 1) предметный – конструктивное знание о прошлом; 2) рефлексивный – знание о знании. Первый уровень исторического познания – это собственно историческая наука, второй – методология и история исторической науки».¹

Часто мы можем сталкиваться с ситуацией, когда событие прошлого может оказаться прекрасно изученным на первом уровне исторического познания и при этом быть практически не отражённым в литературе на втором. Яркий пример, собственно, события, связанные с трехдневным словацко-венгерским вооруженным пограничным конфликтом в марте 1939 г., которые получили в историографии метафорическое название «Малая война».

Такая ситуация выглядит весьма странной, особенно если учесть, что соответствующий историографический анализ мог бы не только выполнить ожидаемую функцию – систематизировать полученные ранее сведения, но и стать началом теоретических построений и рассуждений. Каким образом функционирует коллективная историческая память? Как она влияет на развитие исторической науки? Каков ход и какова динамика современных историографических войн? Собственно данная статья и представляет собой попытку проанализировать «Малую войну» 1939 г. как историографический феномен.

Публикации, посвященные событиям словацко-венгерского вооруженного противостояния в марте 1939 г. очень многочисленны. Касаются они как политической, так и военной истории. Также они разнообразны в жанровом отношении – статьи, разделы монографий. Также всегда о «Малой войне» можно найти что-нибудь и в обобщающих работах по истории Словакии и Венгрии. Однако при всем этом, их авторы почти никогда не останавливались на историографическом анализе проблематики. Если при-

1 Колесник, І. І.: Українська історіографія (XVIII - початок XX століття). Київ 2000, С. 16.

нять точку зрения словацкого историка П. Яшека о том, что «Малая война» в историографии перестает быть «белым пятном» только после 1993 г. (то есть обретения Словакией независимости),² и с этого момента начинается период ее научного изучения, то на сегодня существует только три труда, авторы которых ставили целью выйти на указанный выше рефлексивный уровень исторического познания и осуществить историографический анализ работ предшественников.

Речь идет о статье венгерского историка И. Янека,³ в которой он предпринял попытку сопоставления точек зрения венгерских и словацких историков на эту тему, а также две статьи словацких историков, упомянутого П. Яшека,⁴ с анализом словацкого историографического наследия, и Ф. Врabelя,⁵ в которой рассматривается образ «Малой войны» в венгерской историографии и публицистике.

Историографический обзор П. Яшека особенно интересен, поскольку в его статье была сделана первая попытка периодизации предметной словацкой историографии этой темы. Он выделил следующие периоды: «1940–е – 1993», «1993–2004», «2004–2007» и «с 2007 по сегодняшний день». Ключевые даты выбранные словацким ученым связаны с публикациями Л. Деака и более поздними спровоцированными им дискуссиями.

«Малая война», вооруженный приграничный конфликт между Словакией и Венгрией, сравнительно поздно попал в сферу внимания историков. Если говорить о венгерской стороне, то такой низкий уровень внимания был вещью ожидаемой. Большинство современных венгерских историков разделяют точку зрения, сформулированную своим правительством непосредственно в марте 1939 г. Они склонны видеть в «Малой войне» обычный пограничный конфликт, вызванный отсутствием четкой демаркации границы, а не отдельное историческое явление, которое заслуживает придиричвого и подробного изучения.⁶

Словацкий случай значительно сложнее. Во времена существования Чехословакии тематика «Малой войны» практически не поднималась ни среди словацких, ни среди чешских историков. Это не было, как может показаться

2 Jašek, P.: Malá vojna v slovenskej historiografii. In: Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa. Bratislava 2016, s. 131.

3 Janek, I.: The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories. In: Prague Papers on the History of International Relations (2), 2015, s. 85–101.

4 Jašek, P.: Malá vojna v slovenskej historiografii, 2016.

5 Vrabel, F.: Poznámky k reflexii Malej vojny v maďarskej historiografii a publicistike. In: Malá vojna v marci 1939 a jej miesto v pamäti národa. Bratislava 2016, s. 119–126.

6 Janek, I.: The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories, s. 89.

на первый взгляд, следствием коммунистической цензуры. Хотя в ЧССР изучение этих событий и не приветствовалось, но и прямо не запрещалось. Словацко-венгерский конфликт в марте 1939 г. упоминается в статье Л. Липтака «Венгрия в политике Словацкого Государства» (опубликованной еще в 1967 г.), в которой автор кратко описал ход конфликта и впервые ввел в научный оборот некоторые важные дипломатические документы. В своих выводах Л. Липтак так же формулирует мысль, которой позже будет суждено стать общим местом разделяемым, как венгерскими, так и словацкими историками. Мысль о том, что пропагандистская и идеологическая составляющая этого трехдневного противостояния имела больший вес, чем его военно-политическая составляющая.⁷

Интересно, что в том же самом временном промежутке (1939–1989 гг.) на «территориях» неподконтрольных чехословацкой цензуре вышло всего два труда, в которых хотя бы каким-то образом упоминались события «Малой войны». Одна работа написана еще в 1940 г.⁸ имела пропагандистский характер, другая вышла в эмиграционной среде.⁹ То есть подобная тематика на самом деле, как можно видеть, была слабо актуальной независимо от наличия или отсутствия идеологического давления на историка.

По сути историком, который изменил ситуацию и заново открыл «Малую войну» как историческую и историографическую проблему, стал сотрудник Словацкой академии наук Л. Деак. Впервые он обратился к проблеме «Малой войны» в 1991 г. в своей монографии посвященной польско-венгерским отношениям.¹⁰ Хотя в этом труде словацко-венгерский конфликт не был центральной темой, именно там были сформулированы тезисы, которые станут господствующими в современной словацкой историографии. Конфликт был назван именно войной, Л. Деак очертил его хронологические рамки, но самое главное – словацкий ученый утверждал, что главной целью Венгрии в той войне было полное поражение и аннексия Словакии.¹¹ То есть, боевые действия Королевской армии, по мнению Л. Деака, было сложно характеризовать как приграничный инцидент.

Обретение в 1993 г. Словакией независимости усилило как научный, так и общественный интерес к событиям «Малой войны». И если научный ин-

7 Liptak, L.: Maďarsko v politike Slovenského štátu 1939–1943. In: Historický časopis 15, 1967, č. 1, s. 4.

8 Strieženec, R.: Stráž na východe. Radostná reportáž o slovenskej armáde. Bratislava 1940, 183 s.

9 Blaško, Š.: Sobranecký Kraj: zážitky a spomienky. Cleveland 1980, 205 s.

10 Deák, L.: Hra o Slovensko: Slovensko v politike Maďarska a Polska v rokoch 1933–1939. Bratislava 1991, 240 s.

11 Ibid, s. 191–192.

терес воплощался в заполнении «белых пятен» (тенденции общей для всего региона), то общественный интерес к проблеме усиливался не в последнюю очередь из-за обострения актуального словацко-венгерского конфликта. Выводы из событий 1939 г. экстраполировались современностью, способствуя росту антивенгерских настроений в Словакии в середине 1990-х годов.¹²

Именно в таких обстоятельствах в 1993 г., Л. Деак организовал первую словацкую научную конференцию, посвященную истории «Малой войны». Результатом конференции стала публикация небольшого сборника, который до последнего времени выполнял функцию «основной монографии» по истории словацко-венгерской войны.¹³ Интересно, что конференция и публикация сборника состоялись именно в 1993 г., хотя этот год не был круглой годовщиной «Малой войны». Составители обосновали ее актуальность тем, что «.. в новых условиях сегодняшнего дня, когда закладываются основы нашей государственности и независимости, необходимо вернуться к событиям на востоке Словакии более 50 лет назад и восстановить подобающее им место в нашей славной новейшей истории».¹⁴ Таким образом для середины 1990-х годов «Малая война» играла для словацкого исторического сознания поразительно похожую роль на ту, что она отыграла в 1939–44 г. События марта 1939 г. демонстрировали как маленькое неокрепшее государство могло успешно противостоять вечному, решительному и коварному врагу, каким являлась для Словакии Венгрия.

Сборник состоял из девяти статей, которые тематически охватывали почти все аспекты «Малой войны». В контексте данного исследования наибольший интерес составляют три из них.

П. Симунич в своей статье¹⁵ проанализировал положение словацкой армии накануне и во время конфликта. Он описал отчаянную ситуацию, в которой оказалась молодая армия. Собственно: материальные потери, нанесенные немцами, которые разоружив чехословацкую армию, лишили таким образом оружия, техники и амуниции, и словацкую армию тоже. Также отдельное внимание было обращено на кадровый голод и логистическую анархию, связанную с выбытием чешских офицеров, заменить которых было физически невозможно в течении первых дней независимости.

12 Janek, I.: The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories, s. 86.

13 Jašek, P.: Malá vojna v slovenskej historiografii, s. 131.

14 Deák, L.: Malá vojna: Vojenský konflikt medzi Maďarskom a Slovenskom v marci 1939. Bratislava 1993, s. 5.

15 Simunič, P.: Vojenské aspekty obrany Slovenska. In: Malá vojna: Vojenský konflikt medzi Maďarskom a Slovenskom v marci 1939. Bratislava 1993, s. 27-35.

Другой словацкий ученый Я. Корчек сосредоточил свое внимание на участии невоенных, гражданских подразделений и добровольцев в оборонительных боях на востоке Словакии в марте 1939 г.¹⁶ Такое внимание, косвенно, но убедительно должно было свидетельствовать о высоком патриотическом уровне, моральной стойкости и единстве словаков перед лицом ожидаемой, но непредсказуемой венгерской агрессии.

Более смелые и далекоидущие выводы сделал в своей статье «Пограничные инциденты в Южном Земплине во время Малой войны» Й. Сулачек. Тезисы, которые Л. Деак очертил максимально обще, он подробно обосновал, анализируя дипломатические документы. Речь шла об очень важной гипотезе о наличии у венгерского руководства так называемого «Большого решения словацкой проблемы». Решение, которое предусматривало полную оккупацию Словакии и восстановление на севере дотрианонской венгерской границы. Отсюда Й. Сулачек делает вывод, что со стороны Словакии «...участие собственной армии, добровольцев, аппарата безопасности и обычного населения в защите территориальной целостности Словакии выступило интегрирующим фактором для общества, нации и государства. Внешняя угроза мотивировала к объединению и сотрудничеству».¹⁷

Общая идея и настроение редактируемого Л. Деаком сборника строилась, как можно видеть, на смелой параллели между историей и современностью. В свое время победа Словакии в «Малой войне» вызвала рост веры в собственные силы и престиж Первой республики. Теперь, в 1993 г., «Малая война» становилось идеальным образцом историографической метафоры, на которой строился более широкий историографический и историко-философский миф – история про вечную борьбу маленькой и по определению слабой страны против векового сильного противника, не признающего компромиссов и стремящегося к полному уничтожению Словакии. Вдохновленные Л. Деаком публицисты и историки даже решались прямо сравнивать «Малую войну» с «Великой отечественной войной» (в советском и российском понимании этого термина)¹⁸ «Малая война», в отличии от вооруженных действий против Польши и СССР, была оборонной и справедливой, а также до определенной степени оправдывала союз Словацкого Государства с Гитлером.

16 Korček, J.: Účasť nevojenských jednotiek a dobrovoľníkov pri obrane východného Slovenska. In: Malá vojna: Vojenský konflikt medzi Maďarskom a Slovenskom v marci 1939. Bratislava 1993, s. 35-44.

17 Sulaček, J.: Pohraničné incydenty na južnom Zemplíne počas Malej vojny. In: Malá vojna: Vojenský konflikt medzi Maďarskom a Slovenskom v marci 1939. Bratislava 1993, s. 58.

18 Janek, I.: The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories, s. 88.

Взгляды Л. Деака и его соавторов оставались в словацкой историографии безальтернативными до 2004 г., когда на страницах ведущего словацкого исторического журнала «Vojenská história» вышла острополюемическая статья Ф. Чефалвай «Причины и ход венгерско-словацкого вооруженного конфликта в марте 1939 г.».¹⁹

Тезисы, высказанные ученым, были настолько непривычными, что в последующей дискуссии, возникшей тут же и длившейся с перерывами три года, более «патриотично» настроенные историки из круга Л. Деака прямо обвиняли Ф. Чефалвай в провенгерских настроениях.²⁰

Для лучшего понимания сути этих обвинений стоит ретроспективно проанализировать наследие венгерской историографии проблематики «Малой войны».

Несмотря на диаметрально противоположные взгляды на природу «Малой войны», трудно говорить об активной содержательной венгерско-словацкой историографической дискуссии. Поскольку события трех мартовских дней не сыграли особой роли и никак не отложились в венгерской исторической памяти и формировании общевенгерского нарратива о Второй мировой войне, венгерские историки практически игнорируют этот вопрос. Даже когда речь напрямую заходит о мартовской агрессии Венгрии против Карпатской Украины, хронологическим и логическим продолжением которой и стала «Малая война», венгерские историки не рассматривают Словакию как отдельный объект истории и политики, а скорее говорят о недоразумениях с Германией.²¹ Южная граница со Словакией не вызывала споров, тогда как восточная граница между Карпатской Украиной и Словакией не была демаркирована, и венгерские войска просто продвигались на территории, которую считали своей и разрешение на оккупацию которых они получили из Берлина. После получения более конкретного сигнала от Германии, боевые действия прекратились. Так выглядела позиция Будапешта в марте 1939 г., и в течении всех последующих лет в среде венгерских ученых не находилось поводов пересматривать эту интерпретацию. Поскольку для венгерской историографии те события были максимально ясны, то им практически не уделялось специального внимания.

Практически двумя единственными трудами, в которых описывается венгерский взгляд на «Малую войну» по состоянию на сегодняшний день остаются диссертация И. Янека «Венгерско-словацкие дипломатические

19 Cséfalvay, F.: Predohra a priebeh maďarsko-slovenského ozbrojeného konfliktu v marci 1939. In: Vojenská história 8, 2004, č. 2, s. 39–58.

20 Jašek, P.: Malá vojna v slovenskej historiografii, s. 139–141.

21 Контлер, Л.: История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Москва 2002, С. 486.

отношения 1939–1944», защищённая в Печском университете в 2009 г.²² и монография Ч. Стенге «Крещение огнем. Первый боевой опыт Королевских воздушных сил Венгрии и Воздушных сил Словакии».²³ И первый, и второй автор в основном останавливались на военных аспектах конфликта, значительно меньше уделяя внимания дипломатической борьбе или вопросам его квалификации. Важно заметить, что обе эти работы появились уже после завершения активной фазы словацкой историографической дискуссии Чефалвай-Деака в 2004–2007 гг. Поэтому на самом деле трудно сказать, была ли позиция Ф. Чефалвай провенгерской или это венгерские историки, рассуждая о сути конфликта, принимали ревизионистский подход Ф. Чефалвай.

Еще раз стоит подчеркнуть, что И. Янек и Ч. Стенге – единичные исключения. Не только термин «Малая война», но даже сам факт вооруженного конфликта не упоминался в большинстве синтетических трудов по истории Венгрии двадцатого века или в общих трудах по истории этой страны. Причем такая тенденция не зависела ни от социально-политических обстоятельств (до или после 1956 или 1989 года), ни от идеологической ориентации историков.²⁴ По наблюдениям словацкого историка Ф. Врабеля, пограничный конфликт в марте 1939 г., в венгерском интеллектуальном поле был и остается сферой не столько ученых-историков, сколько консервативных публицистов.²⁵

Таким образом, очертив всю условность понятия «провенгерская позиция», можем вернуться к подробному рассмотрению историографической дискуссии Чефалвай-Деака.

Толчком к написанию исследования, по признанию самого Ф. Чефалвай, было обращение к источникам венгерского происхождения, которые, по его словам, словацкие публицисты до этого тщательно обходили стороной.²⁶ С методологической точки зрения словацкий ученый в первую очередь выступил за широкое использование сравнительного метода. Венгерские, немецкие и словацкие источники должны были быть сопоставлены в противопоставлении, чего, к сожалению, ранее в словацкой историографии не происходило.

22 Janek, I.: Magyar – szlovák kapcsolatok 1939–1944. Pécs 2009, 347 ol.

23 Stenge, Cs.: Baptism of Fire: The First Combat Experiences of the Royal Hungarian Air Force and Slovak Air Force, March 1939. Solihull 2013, 136 p.

24 Vrábel, F.: Poznámky k reflexii Malej vojny v maďarskej historiografii a publicistike, s. 123.

25 Ibidem, s. 125.

26 Cséfalvay, F.: Predohra a priebeh maďarsko-slovenského ozbrojeného konfliktu v marci 1939, s. 40.

Самым очевидным ревизионистским моментом в статье Ф. Чефалвай стала коренная замена терминологии. Он отбросил само понятие «Малая война» вообще и отказался от употребления слова «война» в частности. Вместо этого он предложил использовать термин «вооруженный конфликт», который, по его мнению, больше соответствует характеру событий в восточной Словакии в марте 1939 г.²⁷ Аргументом историка для такого «терминологического» поворота выступило общее правовое определение войны и вооруженных конфликтов. Интересно, что позже эту мысль подхватил венгерский исследователь И. Янек, который предложил компромиссный термин «Трехдневная война» по аналогии с арабо-израильской «Шестидневной войной»,²⁸ однако он не прижился и, учитывая наличие в нем хронологической инверсии, вряд ли когда-нибудь войдет в научный обиход.

Однако важнейшей проблемой, которую поднял Ф. Чефалвай, стала проблема так называемых «двух решений». О существовании у венгерского руководства «Большого решения» словацкой проблемы, которая предусматривала полную аннексию Словакии с ликвидацией любых форм государственности, писал еще Л. Деак.²⁹ Он считал, что реализации «Большого решения» помешало именно героическое сопротивление словацкой армии, превратившее «Большое решение» в «малое». Целью последнего было просто удержать территории, уже захваченные в Восточной Словакии по состоянию на 23 марта 1939 г. В отличие от Л. Деака, Ф. Чефалвай утверждал, что никакого «Большого решения» не существовало. По его словам, венгры объединили оккупации Подкарпатской Руси и части восточной Словакии в одну акцию, о которой они заранее сообщили немцам, но провозглашение независимости Словакии и германская политика, направленная на её поддержку, заставили венгерское политическое руководство быть осторожнее. Немцы согласились на то, чтобы венгры заняли узкую полосу территории на востоке Словакии. Отсюда утверждение, что только героическое сопротивление словацких солдат и добровольцев удержало Будапешт от «Большого решения» Ф. Чефалвай считал необоснованным. Он утверждает, что венгерские войска почти не встречали сопротивления во время оккупации словацкой территории, а масштаб их наступления был далеко не таким большим, как его описывают словацкие историки. По состоянию на 23 марта 1939 г. королевская армия захватила лишь ту территорию, на которую

27 Ibidem, s. 41.

28 Janek, I.: The History of the Slovak-Hungarian «Little War» and Its Interpretations in National Histories, s. 90.

29 Deák, L.: Nová Hranica medzi Slovenskom a Maďarskom po okupácii Podkarpatskej rusi v marci 1939, In: Historické štúdie 43, 2004, s. 202-203.

она раньше выдвинула свои претензии, а это значит, что плана «Большого решения» никогда не существовало.³⁰

Л. Деак отреагировал на статью Ф. Чефалвай очень быстро. Уже в следующем номере журнал «Vojenská história» опубликовал его полемическую статью, что положило начало дискуссии 2004–2007 годов. В отношении идеи о пересмотре самого термина «Малая война» Л. Деак уточнил, что если даже он не соответствует формальному, словарному определению «войны», то все равно, принимая во внимания реалии того времени (агрессия против Словакии на второй день после провозглашения независимости, атака на государства не имеющего по сути армии), вряд ли удастся подобрать более адекватное слово. Слова «война» к тому же фигурировала в источниках того времени, и пока что отсутствуют причины исправлять и корректировать язык документов.³¹ Л. Деак считал недопустимым упрощением считать «Малую войну» продолжением агрессии против Карпатской Украины. В частности, он напомнил Ф. Чефалвай, что конфликт Венгрии со Словакией разыгрался аж на шестой день после поражения украинцев, и это вторжение скорее всего было подготовленным, то есть речь не может идти об обычном пограничном конфликте.³² Менее убедительные аргументы привел Л. Деак относительно возможности существования «Большого решения». Он ссылаясь в первую очередь на венгерскую мемуарную литературы, наполненную сантиментами по поводу потери так называемого Фельвидека («Верхний Край»), как важной части Венгерского Королевства после Трианонского договора. Упрощая реальность, он приравнивал общий взгляд на историю и будущее Венгрии к конкретным политическим планам руководства страны.

Ответ на контраргументы Л. Деака появился только через три года. На конференции молодых ученых в Прешове Ф. Чефалвай представил свой доклад «Начало венгерско-словацкого конфликта в марте 1939 года».³³ Ученый далее настаивал на том, что термин «война» не является адекватным термином, даже если сознательно прибегнуть к анахронизму, перенеся на события 1939 г. более современные понятия «малых войн» четвертого поколения. Также Ф. Чефалвай не изменил своего мнения, относительно возможности

30 Cséfalvai, F.: Predohra a priebeh maďarsko-slovenského ozbrojeného konfliktu v marci 1939, s. 40–43.

31 Deák, L.: Názory a polemika. In: Vojenská história 8, 2004, č. 4, s. 128.

32 Ibidem, s. 130.

33 Cséfalvai, F.: Začiatok maďarsko-slovenského ozbrojeného konfliktu v marci 1939 (o mýtoch a nepresnostiach) In: Slovensko medzi 14. marcom 1939 a salzburskými rokovaniami. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešovensis. Historický zborník 9, 2007, s. 241–250.

существования плана «Большого решения» у венгерского руководства. Аргументируя, между прочим, это тем фактом, что продвижение королевских войск на востоке Словакии прекратилось вечером 22 марта 1939 г. не из-за сопротивления словацкой армии, а из-за отсутствия дальнейших четких планов у Будапешта. «Большое решение» было фантазией венгерских политиков и до, и после войны, однако никогда серьезно не рассматривалось военным руководством, по крайней мере никаких документов, которые подтверждали бы такие планы, до сих пор найдено не было.³⁴

Дискуссия Деак-Чефалваи и на сегодня остается единственным крупным историографическим (предметным) спором в среде словацких историков. Вопросы, поднятые в ходе спора, остаются открытыми, а их решение активно влияет на направление дальнейших исследований. Даже в такой, на первый взгляд объективной сфере, как издание архивных документов, можно увидеть попытки доказать или опровергнуть факт существования «Большого решения». Приведем два примера. Публикацию Л. Деака посвященную истории Венских арбитражей³⁵ и статью И. Бака,³⁶ открывавшую публикацию немецких документов того же периода. В обоих случаях подбор и интерпретация источников должна была доказать наличие у венгерской стороны далекоидущих планов в отношении Словакии, вплоть до ее полной аннексии.

Историографические дискуссии являются важными и полезными еще по той причине, что они указывают на ограниченность предыдущего взгляда. т.е. важным становится не возможность победы в споре, сколько попытки выйти за парадигму, навязанную дискуссией. Poleмика Деак-Чефалваи в данном случае не исключение. Например, словацкий историк П. Мичианик представил новое хронологическое определение всего конфликта и отметил, что это был не просто трехдневный «вооруженный конфликт», а настоящая небольшая война, которая продолжалась, несмотря на перемирие, до апреля 1939 года.³⁷ Таким образом проблема, по его мнению, была не в терминологии, а в хронологии. М. Лацко, в свою очередь, проанализировал отношение словацкого общества к событиям «Ма-

34 Ibidem, s. 248.

35 Deák, L.: Viedenská arbitráž: 2. november 1938: dokumenty. Martin 2005, 454 s.

36 Baka, I.: Ozbrojený maďarsko-slovenský konflikt z marca 1939 v správach Sicherheitsdienst. In: Vojenská história 11, 2007, č. 4, s. 124–156.

37 Mičianik, P.: Pokračovanie slovensko-maďarského vojnového konfliktu po oficiálnom skončení maďarskej agresie (marec - apríl 1939). In: Slovensko medzi 14. marcom 1939 a salzburskými rokovaniami. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešovensis. Historický zborník 9, 2007, s. 251–267.

лой войны», акцентировал внимание не столько на внешнеполитической составляющей конфликта, сколько на его значении для роста словацкого самосознания и политической мобилизации вокруг режима Й. Тисо.³⁸ То есть речь уже шла не о реальном, а о символическом измерении событий марта 1939 г.

Выводы. В словацкой и венгерской национальной историографии проблематика «Малой войны» за последние тридцать лет была освещена крайне неравномерно. Если словацкие ученые и публицисты считают «Малую войну» одним из центральных событий, изучение которой важно для адекватного понимания истории Словакии во Второй мировой войне, то в Венгрии пограничный конфликт в марте 1939 г. остается преимущественно тематикой не для историков, а для политических публицистов правой ориентации. Взгляды словацких историков остаются, таким образом, максимально авторитетными и активно влияющими на другие национальные историографии, которые стараются подорвать и оспорить их (венгерская, польская историографии), или разделяют их основные тезисы (украинская историография). С момента начала активного научного изучения и до 2004 г., «Малая война» изучалась в основном военными историками, что отразилось на фактографической ориентации исследований. Однако после начала полемики, спровоцированной словацким историком Ф. Чефалвай, на первый план начинают выходить теоретические вопросы (название войны, ее природа и цели сторон), а среди словацких и венгерских историков появляются попытки рассмотреть события марта 1939 г. в дипломатическом и социально-политическом измерении.

38 Lacko, M.: Maďarský vpád na Slovensko v marci 1939 a jeho ohlas. In: Juh Slovenska po Viedenskej arbitráži 1938–1945. In: Zborník z vedeckej konferencie, Šurany 22.–23. marca 2011, zost. J Mitáč. Bratislava 2011, s. 206.

Slovak-Hungarian historiographical discussion on the „Small War“

The article is devoted to the role of the Slovak-Hungarian «Small War» in Slovak and Hungarian historiography. An attempt has been made to answer some topical questions. When did the research of the «Small War» intensify in national historiographies? What was the difference in the approach to the events of that time on the part of Slovak and Hungarian historians? Can we talk about interethnic historiographical discussions on this issue? What chronological periods in the study of the topic can be identified? The work was based on a comparative analysis of the texts of Slovak and Hungarian researchers of the last thirty years, ie since the actualization of the theme of the «Small War» in the historiographical space of both countries. As a result of the study, some important conclusions were made, which open new perspectives for further research. First, the issue of the «Small War» is presented in national historiographies very unevenly and disproportionately. Around the events of March 1939 in Slovakia a clear intellectual tradition was built with all the features of a national historiographical myth about a heroic super-defensive war against an extremely strong enemy, while Hungarian scholars practically ignored this question. Therefore, it is very difficult to speak of any historiographical Slovak-Hungarian dialogue, but rather of the active participation of Hungarian scholars in Slovak scientific discussions. In particular, the most important of them, the so-called Deak-Cefalvai discussion on the terminology of the «Small War» and the assessment of the political and military goals of the enemy.